

18+

ЕКАТЕРИНА ПОТАПОВА

Последнее лето

Екатерина Потапова

Последнее лето

«Издательские решения»

Потапова Е.

Последнее лето / Е. Потапова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-697537-8

У каждого человека есть последнее лето юности. Его помнят, потому что именно таким летом, когда ты уже не ребенок, но и не взрослый, неопределенно и очень сильно влюбленный, вдыхаешь запах моря или полевых цветов, идешь ночью домой и воздух сладко пахнет сиренью, молодостью и счастьем, ты точно знаешь, что впереди замечательная жизнь.

ISBN 978-5-00-697537-8

© Потапова Е.
© Издательские решения

Содержание

Последнее лето	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Последнее лето

Екатерина Потапова

© Екатерина Потапова, 2026

ISBN 978-5-0069-7537-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последнее лето

Моей Марусе

«Самое фешенебельное из московских дачных мест – безусловно Сокольники. По Богородскому шоссе тянутся роскошные дачи-особняки, принадлежащие известным в Москве фамилиям. Эти дачи в большинстве представляют собой двухэтажные отапливаемые дома с красиво разбитыми вокруг садиками, со всевозможными службами, и напоминают заграничные виллы. Владельцы их проводят лето на курорте, и потому дачи сдаются внаймы. Нечего и говорить, что доступны они немногим. Продавцы с лотками здесь не зазывают под окнами с утра до глубокой ночи, не угощают продуктами, от которых рискуешь отправиться к праотцам, но имеют своих постоянных покупателей и носят им корзины с роскошными фруктами, зеленью, садки с рыбой, раками и т.д.»

(«Дачник» №3, 1912 г.)

История дач в Сокольниках берёт начало ещё в царские времена: эта местность была охотничьими угодьями, а позже, с середины XIX века, стала популярным дачным местом. В XIX веке здесь селились представители известных купеческих семей – Алексеевы, Лямины, Бахрушины, Стахеевы, Абрикосовы и другие. Среди владельцев дач были и выдающиеся меценаты: например, Надежда Филаретовна фон Мекк, которая предлагала Петру Ильичу Чайковскому пожить на своей даче в Сокольниках.

В советское время дачи национализировали: после революции многие из них переоборудовали под коммунальные квартиры, где селили сразу несколько семей. Часть зданий отдали рабочим или под социальные учреждения, а некоторые исторические постройки со временем пришли в упадок. Тем не менее отдельные дачи сохранились до наших дней.

У каждого человека есть последнее лето юности. Его помнят, потому что именно таким летом, когда ты уже не ребенок, но и не взрослый, неопределенно и очень сильно влюбленный, вдыхаешь запах моря или полевых цветов, идешь ночью домой и воздух сладко пахнет сиренью, молодостью и счастьем, ты точно знаешь, что впереди замечательная жизнь. Потом это лето будет уходить все дальше: нужно будет заканчивать университет, нужно будет работать, строить семью, родятся дети, будет не хватать денег, ты начнешь терять себя в потоке ежедневных забот. Но спустя много лет, когда жизнь перешагнет половину, однажды летом вновь почувдится, что тебе семнадцать, и вспомнится то самое последнее лето.

1916 год

Муся проснулась поздно, потому что легла рано. Домой она заявила с рассветом, залезла через окошко на кухне под сердитый взгляд кухарки Марфы и веселые глаза дворника Трофима.

Вести себя Мусе так не полагалось ни по статусу, ни по воспитанию, ни по происхождению, ни по образованию, одним словом *Se n'est pas comme il faut* – «не есть комильфо», причем такое «очень большое некомильфо». Узнает маменька, скандал будет грандиозный. Но Мусе было надо. Ей надо было встретить на прудах рассвет и загадать утреннему туману и новому солнышку желание. Объяснить такое маменьке Муся считала невозможным и бесполезным. Поэтому под предлогом больной головы сразу после вечернего чая Муся ушла к себе, дождалась, когда дом утихнет, и уже тогда выскользнула тихонечко на улицу, никем не замеченная.

Муся – Марии Алексеевне Ростовцевой было шестнадцать. Она была невысокая, верткая, с живыми серыми глазами, кудрявой белой головкой, которую её отец – САМ Алексей Дмитриевич Ростовцев, владелец крупной строительной компании, часто нараспев называл «бес-толковая бедовая белая головушка».

Других детей в семье не было, оттого матушка Муся – Ксения Афанасьевна, тряслась над дочерью страшно. Ни в какие гимназии не отдавали, боже упаси, испортят крошку. Учили дома, нанимали лучших учителей музыки, французского, английского, немецкого, окружали гувернантками, наряжали в сплошь заграничные наряды.

К общему удивлению и радости, Муся не испортилась и не избаловалась: учителей воспринимала как наказание, платьям из шелка предпочитала обычные хлопковые, а от гувернанток сбегала на кухню к тетке Марфе слушать сказки и есть картошку в мундире. Муся любила и обожала все. Она несла радость людям.

Дачу в Сокольниках построили к её рождению. У Алексея Дмитриевича было много работы в Москве, уезжать надолго было сложно. Ксения Афанасьевна не хотела быть далеко от мужа, а дочери полагалось быть летом на воздухе.

Сокольники были рядом, и к тому же имели репутацию престижного и модного места. Дом построили добротный, в два этажа, с большими светлыми комнатами, террасами, зимним садом, окна украсили резными наличниками. Провели воду, устроив собственную водонапорную башню, подвели электричество. На улице устроили фонтан и, по моде тех лет, искусственный каменный грот. Как уезжали в мае, так и не возвращались до холодов.

Ксения Афанасьевна с супругом выезжали на гуляния в Сокольники или в театры в соседнее Богородское. В жару не прятались от солнца, а уходили на пруды по соседству в оборудованные купальни, вечерами сживали у соседей или зазывали к себе, играли на рояле, не брезговали карточным штоссом. Из забот было дать прислуге указания, что готовить к ужину.

К июню на дачу начинали стекаться родственники: сестра Алексея Дмитриевича с тремя детьми, вдовье тётушки. Вроде приезжали на неделю, а оставались на месяц, а то и больше. И веселая дачная жизнь закипала ещё сильнее. Доставали бадминтон, теннис, крокет, мячи, удочки.

Дети смешивались с дворовыми ребятами, отличить их можно было только по белым платьицам и костюмчикам, да нарядным шляпкам. Впрочем, костюмчики к вечеру становились серыми, а шляпки терялись и рвались. Тетушки шикали и ворчали: «Никакого воспитания. Вот в наше время так бегать и кричать было недозволительно». Но Ксения Афанасьевна и Алексей Дмитриевич наслаждались шумом, большой семьей, детьми и успокаивали тетушек: «Лето же, пусть резвятся». Чопорные тетушки заводились еще больше: «Да ведь они босые бегают. Как можно?»

Обычно в самый разгар таких воспитательных бесед на веранде появлялась Муся и с диким восторгом подлетала к отцу: «*Папа*, смотрите какую очаровательную лягушку я поймала». Тетушки с визгом разбежались, Алексей Дмитриевич хохотал, Муся ничего не понимала, случайно выпускала лягушку, и та с возмущённым кваканьем убегала в глубь сада к прудам.

Бывали и другие дни. Дождливые. Тогда дом замирал. Дети расходились по углам, чтобы побыть в тишине, кто-то рисовал, кто-то читал. Мужское население дома предпочитало тихо подремывать в кресле-качалке, тётушки вышивали или раскладывали пасьянс, на веранде попыхивал самовар, дожидаясь домашних к чаю.

Этим летом Муся решила твердо, что, во-первых, надо вести дневник желаний. Ей шестнадцать, и ей положено.

Во-вторых, обязательно влюбиться, опять же ей целых шестнадцать, и в романчиках, которые она таскает у своей гувернантки и тайно почитывает от Мамы, в шестнадцать все

влюбленные и делают такое. Правда, делают во Франции, возможно, в России и не делают. Тут Муся сомневалась и была не уверена, а спрашивать не считала нужным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.